

Чем отличается паломник от туриста? Турист относится к святому месту с уважением (если он приличный человек), но все-таки как к очередной достопримечательности. Турист по возвращении из путешествия наверняка похвалится перед вами карточками типа "я у Гроба Господня" или "я у Стены Плача". У паломника таких фотографий скорее всего не окажется: в те минуты, которые турист тратит на съемку, паломник молится.

Не ищите в предлагаемом вам репортаже об острове Патмос фотографии того священного для христиан места, где святому Иоанну было дано Откровение. Это снимал (и писал) паломник.

В I веке римский император Домициан, начав большое гонение на христиан, схватил апостола Иоанна Богослова, подверг его жестоким пыткам и сослал на остров Патмос. Ночью, в зыбком сне, святому явился Господь и, утешив его, сказал:

- Этот остров весьма в тебе нуждается.

За короткое время Иоанн Богослов обратил ко Христу почти все население Патмоса. По его молитвам слепые прозревали, мертвые воскресали, пораженные очищались, бесы, вредившие людям, исчезали. А однажды святой апостол вместе со своим учеником Прохором уединился в пустынную пещеру. Здесь они провели десять дней. Потом Иоанн еще десять дней пробыл в пещере один - ничего не вкушал, а только молился. И был ему голос свыше: "Иоанн, Иоанн!" Тот отвечал: "Что повелеваешь, Господи?" И говорил голос свыше: "Потерпи еще десять дней, и будет тебе Откровение великое". Апостол провел еще десять дней без пищи. И тогда Ангелы Божии сошли к нему и возвестили ему много неизреченного. И когда Прохор возвратился к нему, он послал его за чернилами и пергаментом, а потом два дня говорил Прохору о бывших ему Откровениях, а тот записывал их. Так мир получил Апокалипсис, самую загадочную книгу Нового Завета.

До Патмоса я ехал с другого греческого острова, Родоса. Несколько часов - на быстроходном и на редкость комфортабельном пароме "Марина". Кос, Калимнос, Лерос, Липси - неповторимой красоты острова перебираешь, как бусинки четок. Но вот наконец и Патмос. Он похож на маленькую кляксу, нечаянно упавшую с пера на темно-синий лист моря и принявшую весьма прихотливые очертания. Остров горист: взглянешь направо - горы, взглянешь налево - горы, оглянись назад - там, за серебристо-голубым заливом, тоже горы. Скала, маленький городок на берегу, столица острова.

Тихие улочки, на каждом шагу - кафе и ресторанчики на открытом воздухе, обилие магазинов, мало прохожих, да и те в основном туристы. Местные жители - и юноши, и девушки, и почтенные джентльмены, и солидные дамы - все ездят на мотоциклах и мотороллерах. Как, впрочем на любом греческом острове. В порту множество яхт, больших и маленьких катеров. Но не будем задерживаться, поспешим в пещеру

Апокалипсиса, в то святое место, ради которого мы и прибыли сюда. До пещеры - всего два с небольшим километра, но в гору. Можно идти пешком, можно ехать на автобусе, а можно и "проголосовать" - греки очень доброжелательные люди, всегда подбросят.

У пещеры меня встретил иеромонах Ефимий, невысокого роста, с лучистыми глазами и белоснежной бородой. Мы троекратно, по-христиански, облобызались, и он жестом пригласил меня в пещеру. Вниз ведет крутая лестница с высокими ступенями - один пролет, другой, третий. Широкие, открытые настежь двери, над ними надпись: "Это место, производящее неизгладимое впечатление, ничто иное, как дом Бога; это - дверь на небеса".

Я осенил себя крестным знаменем и вошел. Знакомый запах храма - да, это и есть храм с двумя небольшими иконостасами и двумя алтарями: мерцание свечей, старинные иконы, молящиеся люди. Но все это я заметил потом, потом. А первое впечатление... Переступив порог пещеры, я ощутил, что оказался на небе, в райских обителях, в неземных чертогах, где курится благовонный фимиам и звучат ангельские хоры. Такого со мной еще никогда не бывало ни в одном храме, ни в одном монастыре.

Левый придел - просторный, с высокими сводами, с паникадиллом, окном, выходящим на склон горы; а правый - это и есть пещера: низкий скалистый свод; если протянуть руку, можно коснуться серой шершавой скалы; по мере того, какходишь в пещеру, скала поднимается выше и круче, освобождая пространство; стена с небольшим плавным изгибом, почти ровный, с небольшими трещинами пол - тут все осталось таким же, как было девятнадцать веков назад.

Вот место, где стоял Иоанн в тот страшный и славный день, когда... Впрочем, будет лучше, если он сам расскажет об этом:

"Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний; То, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам, находящимся в Азии: в Ефес и в Смирну, и в Пергам, и в Фиатиру, и в Сардис, и в Филадельфию, и в Лаодикию. Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною; и, обратившись, увидел семь золотых светильников и, посреди семи светильников, подобного Сыну Человеческому, облеченного в подир и по персям опоясанного золотым поясом: Глава Его и волосы белы, как белая волна, как снег; и очи Его - как пламень огненный; И ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи; И голос Его, как шум вод многих; Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый с обеих сторон меч; и лице Его - как солнце, сияющее в силе своей. И когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый." (Откр. 1,10-17)

Большая - почти во всю высоту пещеры - икона, справа от Царских врат, как раз и изображает это событие. Святой апостол лежит у ног Спасителя безо всяких признаков жизни, и, кажется, ему уже не подняться и никогда не обрести дар речи, но - "...Он положил на меня десницу Свою и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний, И живой; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти. Итак, напиши, что ты видел, и что есть, и что будет после сего". (Откр. 1, 17-19)

В этот момент монолитная скала над головой Иоанна с большим шумом раскололась на три части. (Если поднять голову и посмотреть вверх, то можно их увидеть и даже потрогать. Они похожи на три пальца, которые христане складывают вместе, чтобы осенить себя крестным знаменем.) Потрясенный и просветленный, тайнозритель встал на ноги, чтобы слушать Господа и потом, в утешение нам, верующим людям, написать свой "Апокалипсис", книгу, которая заставляет трепетать от восторга и помнить наш последний земной рубеж.

"Тайна семи звезд, которые ты видел в деснице Моей", - продолжал Спаситель, - "и семи золотых светильников есть сия: семь звезд суть Ангелы семи церквей; а семь светильников, которые ты видел, суть семь церквей". (Откр. 1, 20)

А вот место, где стоял Прохор и записывал то, что говорил его учитель, - он стоял как бы за аналоем, и ему было очень удобно писать - такое пологое углубление оказалось здесь в скале.

- А это что? - спросил я у служителя, показав на небольшое круглое углубление в скале (оно находилось внизу, у самых ног, и было обнесено аккуратной загородочкой).

- Здесь, положив голову в это углубление, спал святой Иоанн, - ответил служитель.

- А это? - продолжал я, указывая на совсем маленькую ямку в скале, гораздо выше первой, уже за пределами загородки.

- Святой Иоанн Богослов клал сюда ладонь, поднимаясь со своего ложа, - отвечал грек.
- Не будем забывать, что в то время он был уже в весьма преклонных летах.

Двумя километрами выше, на самой вершине горы Хора, видный почти с любой точки острова, стоит монастырь святого апостола и Евангелиста Иоанна Богослова. Стены его - серые, мощные и очень высокие: в ширину ему расти было некуда, и он вырос ввысь. Это неприступный средневековый замок. Со всех сторон он окружен беленькими жилыми домами - так пастыря окружают овцы. Его основал святой Хосиос Христулос в XI веке. "Мое горячее желание, - говорил он, - было поселиться на этом безлюдном островке на краю земли, где царит спокойствие и куда не пристают корабли". Нетленные мощи святого Христулоса покоятся здесь же, в монастыре, в часовне, посвященной его имени.

Сейчас братия монастыря насчитывает 35 человек. Ее возглавляет епископ Исидор. Монахи каждый день служат в храме, работают в саду, поддерживают порядок в обители, принимают многочисленных паломников. Экономических трудностей братия сейчас не испытывает. На острове больше десятка скитов, два женских монастыря.

Маленький, с пятачок, дворик. Налево - храм во имя святого Иоанна Богослова, главная святыня монастыря. Среди других назову мощи апостолов Фомы и Филиппа, а также

святого Антипы, епископа Пергамского; особым почитанием паломников пользуются наручники Иоанна Богослова. Направо - иконная и книжная лавка. Если пройти вперед, попадешь в музей - он занимает два этажа. В монастыре мне предстояло задержаться до утра.

Богослужение в обители совершается один раз в сутки - с трех до шести часов утра. Я попросил у иеродиакона Симеона, который опекал меня, будильник - чтобы встать вовремя.

- Будильник не нужен, - сказал он. - Как услышишь удар колокола, сразу вставай.

Но я его не услышал - то ли потому, что крепко спал, то ли потому, что от колокольни меня отделяли толстые стены. Проснулся уже около четырех часов, быстро умылся, оделся и вышел. Когда спуускался по первой лесенке, встретил Симеона - он шел за мной.

- Быстрее, - сказал он, - уже читается канон.

В храме царил полумрак, горело несколько лампад; с двух сторон, у колонн, на плоских аналоях, лампы освещали богослужебные книги. Монахи читали канон нараспев - то по очереди, а то оба вместе, по одной книге - получалось необыкновенно красиво. Голоса у них были сочные, свежие, акустика в храме великолепная и незнание греческого языка не мешало мне наслаждаться службой. Я по привычке встал посреди храма, но иеромонах, совершавший каждение, показал мне, что нужно отойти в сторону, к стене, в одну из ниш, предназначенных для братии, - тут можно было и сидеть, и стоять. Хора как такового не было. Его заменяли то один, то другой монах. "Символ веры" прочитал один из старцев. Читал он медленно, с паузами, вникая в смысл каждого слова. А после Божественной Литургии монахи пригласили меня и трех молодых паломниц, приехавших из Афин, на чашечку утреннего кофе...

Поток паломников на это маленький островок в Эгейском море не иссякает никогда. Верующие люди называют Патмос Эгейским Иерусалимом. Особенно велик наплыв христиан был в прошлом году - отмечалась юбилейная дата: 1900 лет со дня написания "Апокалипсиса".

Я покидал Патмос ночью. Гигантский паром отчалил от берега так тихо и незаметно, словно был невесом. Остров был залит огнями. По-дневному освещенный причал, гавань с бесчисленными катерами и яхтами с сигнальными огнями на мачтах, улочки Скалы с нежно-бирюзовыми витринами магазинов, бесконечный овал набережной - все сияло, мерцало, переливалось, играло, дробясь яркими искрами и бликами в прибрежной воде. А монастырь Иоанна Богослова был освещен прожекторами и походил на тот Град, который увидел Евангельский тайнозритель, - "новый, сходящий от Бога с Неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего... Ворота его не будут запираются днем, а ночи там не будет... И не войдет в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни".